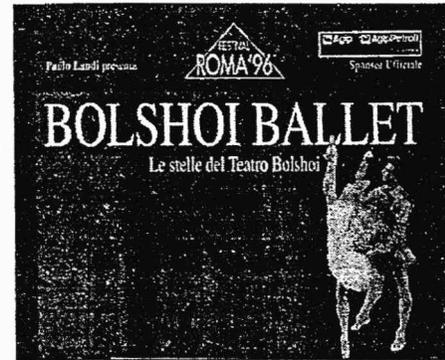

*Молодцы
ГДАДГ*

«Русская мысль»

МИР ИСКУССТВА

«Русский сезон» в Риме

19-25. 192
1996

В первые дни декабря завершился большой осенний фестиваль искусств в Риме. Задуманный по образцу парижского, он длился более трех месяцев и представлял многие жанры: театр, музыку, танец, кино. Фестивальная афиша радовала богатством и разнообразием; среди многих интересных групп и исполнителей особое внимание привлекли спектакли знаменитого «Берлинер-ансамбля» и «Балета Монпелье», ритуальный «перформанс» тибетских монахов, концерты дирижеров К.-М.Джулини и Ж.Претра. И все же, подводя итоги фестиваля, критики единодушно назвали его «русским сезоном». Что послужило тому причиной?

Дело в том, что, несмотря на очень яркие отдельные спектакли и концерты, ни одна страна не была представлена во всех жанрах с такой полнотой, как Россия. Публику и критику потряс именно размах участия русских артистов — более 200 человек! Ну и, разумеется, высокий исполнительский уровень. Итальянские критики соревновались в нахождении редких эпитетов, воздвигая множество лестных похвал.

Остановимся на трех «гвоздях» русской программы: это концерт балета Большого театра, спектакль «Последние» (по Горькому) московского театра-студии О.Табакова и приезд в полном составе труппы Марининского театра. Большой успех выпал на долю каждого.

Балет Большого театра впервые привез в Рим своих молодых премьеров — Надежду Грачеву и Марка Перетокина. Они незамедлительно стали любимцами публики и заслужили единодушные похвалы критики. Причина успеха понятна: великолепные природные данные танцовщицы помножены на крепкую школу; у обоих к тому же незаурядные актерские дарования, отличная сценическая внешность и яркий темперамент. Все, что нужно для настоящих «звезд». Вместе с ними блистали Н.Семизорова, Г.Янин, Д.Белоголовцев и другие. Но вот беда: талантливым артистам, как казалось порою, не к чему было приложить свое мастерство.

Первое отделение, состоявшее из классических па-де-де, прошло относительно гладко. Но во втором, состоявшем в основном из номеров художественного руководителя В.Гордеева, начались несурьезности. Дело даже не в том, что постановщик не учитывал особенностей дарования каждого солиста; от всех его номеров веяло какой-то фальшью и наигранным оптимизмом давно минувших дней. Печально было наблюдать, как талантливые Грачева

и Перетокин выстраивают свою линию не благодаря, а вопреки хореографии.

Так становится особенно ощутимой главная на сегодняшний день проблема балета Большого театра: отсутствие ярких постановочных идей. Об этом говорят уже давно, но сделано пока что мало. Какой же выбор остается танцовщикам? Ведь молодость

Ольга Яковлева и Олег Табаков в спектакле «Последние» М.Горького.

их, как известно, быстротечна.

Театр-студия О.Табакова привез на фестиваль спектакль «Последние» по никогда не шедшей в Риме пьесе Горького. На первый взгляд, выбор мог показаться странным, особенно если учесть самую политическую подоплеку произведения: у горьковского полицмейстера, приказавшего избить до смерти студентов-революционеров, начинаются неполадки в семье, приводящие к полному «крушению моральных устоев»; дети лгут, развратничают, издеваются над родителем, проливая свет на его темное прошлое, сын становится нигилистом, дочь убегает из дома и т.д.

Однако режиссер А.Шапиро неожиданно решил спектакль в ностальгической, почти «чеховской» то-

нальности. Были смягчены все острые углы, введен настоящий духовой оркестр («...музыка играет так громко!»), мастерски поставлен свет. И пьеса преобразилась. Добавим к этому яркое исполнение главной роли О.Табаковым, нервную импульсивность О.Яковлевой, крепкий ансамбль молодых актеров (Н.Журавлева, М.Шульц, М.Хомьяков и др.) — и получится «триумф системы Станиславского», как писали римские газеты.

Однако около доброй трети реплик из зала расслышать было невозможно. Пришлось уяснить смысл сказанного по итальянскому тексту на экране. Как ощутимо упала культура сценической речи, которой всегда славились лучшие московские театры! И это особенно заметно потому, что у самого Табакова подача слова восхитительна, каждая фраза сверкает, интонация богата и убедительна. Жалко, что молодые актеры столь увлечены самовыражением, что не замечают находящийся рядом с ними уникальный живой пример.

И, наконец, Марининский театр представил в академии «Санта-Чечилия» три сложные оперы в концертном исполнении — «Мазелу» Чайковского, «Обручение в монастыре» Прокофьева и «Силу судьбы» Верди (оригинальная версия), а также несколько симфонических программ. Главный дирижер театра Валерий Гергиев давно стал любимцем поклонников русской оперы в Италии, а руководимая им труппа по праву могла бы войти в список лучших мировых театров, если бы... Если бы западная публика почаще имела возможность видеть ее спектакли. Ведь до сих пор в Риме, например, их никто не видел; единственной форточкой представлений была концертная. О чем это говорит? О финансовых сложностях? Или о том, что становится очевидным после просмотра видеозаписей спектаклей: слабая, допотопная режиссура, ориентированная на эстетику 50-х годов, явно не дотягивает до остро современных решений дирижера, не раскрывает актерских дарований замечательных певцов.

Однако ущемление сценической природы оперы вредит в первую очередь самим певцам. Ведь и в концертном исполнении они, увлеченные драма-

тическим пафосом музыки, начинают «играть» — но как! Нелепые жесты, прижатие рук к груди... За всем этим — недостаток сценической выучки.

Страдает при этом и раскрытие замысла композитора. Одно дело, например, просто спеть хор и предсмертную молитву в сцене казни из «Мазелу». Но как быть с гротескной фигурой пьяного казака, который, воспользовавшись всеобщим замешательством, ворует арбуз с обоза и, довольный собою, приплясывает от радости? Если свести его партию лишь к пропеванию вокальной строчки, то сцена лишается мощного драматургического «перпендикуляра», становится одномерной, теряя помистине шекспировский размах. Но это задача не для режиссера средней руки.

Хочется верить, что в ближайшем будущем В.Гергиев привлечет к сотрудничеству выдающихся постановщиков, и спектакли Марининского театра завоюют по-настоящему.

Чтобы дать полное представление о русской программе фестиваля, следует упомянуть и об интересной ретроспективе советских фильмов 20-х годов, а также о концертах пианистов М.Плетнева, Д.Алексеева, скрипача Г.Кремера.

Останавливаясь около декабряской концертной афиши: сколько в ней давно знакомых имен! Осенний фестиваль в Риме ко-нчился, но «русский сезон», похоже, не кончается.

АЛЕКСАНДР БРАГИН

Рим